

Наталья Кожевникова

ДРУГОЕ СОЛНЦЕ

* * *

Что водой весенней смыло,
Что ветрами унесло,
Что прошло – то стало мило:
Лодка, дерево, весло.
В синем небе перехватчик,
Дым кизячный, чайки крик...
Узкоглазый скачет мальчик
Средь пастушьих повилик.

В бледном золоте потока
Рыба выглянет на миг.
И не близко, не далёко,
В сотне вёрст от снов моих
Молчаливый и рукастый,
Тяжело вздымая бок,
Поворачивается Каспий
Тёмным ликом на восток.

Уральск

ТЕНЬ ОГНЯ

Раскинуть руки и бежать – такая даль!
В открытом небе
чёрный крестик птицы,
Гул ветра... Степь! И вечная печаль
В сухом полынном воздухе струится.

Вчера прошёл здесь пришлый человек,
Как ветер, равнодушен и беспечен.
Окуроч бросил и ушёл навек.
Искра взлетела – путь был бесконечен!

Вал огненный ветра потом вели,
Рой бабочек, сгорая в нём, метался,
И только клин обугленный земли
За ним под небом родины остался.

Полярен мир, и силы неравны.
Вот человек прошёл,
и след за ним дымится.
И пусть дожди идут на полстраны,
Но тень того огня в траве таится...

* * *

Перелесок, дорога, тишь,
Голубая Полынь-звезда.
И не знаешь – живёшь?
Летишь?
Или падаешь в никуда?

Нет ни времени, ни границ,
И лишь долго хранят небеса
То ли ангелов, то ли птиц
Осторожные голоса.

* * *

Много не хочу,
Много не дано.
Мне бы одну свечу
Звездочкой на окно.
Дальний багряный лес
В лунном ночном плену,
Да золотых небес
Сонную тишину.

Свята земля сия.
Хочешь ты или нет,
Будет над ней сиять
Дивный Господний свет.
В мире сейчас темно,
Молнии – отблеск меча.
Страшно. Но есть окно,
Женщина и свеча...

* * *

Под медленный шелест летящего снега
Лицо запрокину. Что в звуке и знаке?
То землю объяла чудесная нега
Полнощной зимы,

воссиявшей во мраке.

Нет звезд драгоценней,

нет снега белее,

Чем в небе российском,

чем в рощах кленовых.

Под снегом цветы, что смиренней елея,

И ягоды сладкие веток терновых.

Забывчивы звезды – уйдут с облаками,

И земли к рассвету морозы остудят.

Но сердце,

но сердце дрожит под руками

И помнит, и знает, что было и будет.

Я миру покорна, мне Женщина – имя.

Мне долго идти по дороге к родному.

Средь смуты и лжи,

средь морозного дыма –

По зыбкому снегу к желанному дому!

* * *

Лишь лёгкая лодка на вольной воде,

Да солнце и небо,

да радостный случай –

Два дня и две ночи в счастливом стыде

Пред миром,

где правит татарник колючий,

Где зыбкою строчкой колеблется дым

Над мазанкой сирой...

Я помню как милость –

Нечаянно чайка крылом молодым

Коснулась воды и, упав, преломилась

На тысячи звуков и брызг над водой.

И тут же, стремительно, в сини небесной

Возник перехватчик и мёртвой звездой

Зловещие знаки расставил над бездной...

Качни мою лодку, степная река,
Я вижу и так,

сквозь закрытые веки,

Как с гулом и треском проходят века,

Монахи, поэты, бойцы, дровосеки –

Меж жизнью и смертью,

любовью и злом,

В серебряном мареве мерно качаясь...

И белая рыба плывёт под веслом,

Любить разучившись

и выжить отчаясь.

* * *

Не называй меня хорошей –

Заворожу дождём косым,

И на ветру дрожащей рощей

Обеспокоенных осин.

А на свидании заплачу

И от смущенья нагрублю.

Я, не надеясь на удачу,

Свою печаль в тебе люблю.

Не называй меня красивой,

В тяжёлом облаке волос

Я окажусь плакучей ивой

С корой, морщинистой от слёз,

От обжигающего ветра,

От ожидания звонка...

Качнётся высохшая ветка,

Вздохнёт усталая река.

Не называй меня любимой,

Своею женщиной из снов.

Осеребрённую рябиной

Я онемею на Покров.

Тогда, горячий и влюблённый,

Иную радость обретя,

Меня ты вспомнишь удивлённо...

Десятилетия спустя.

* * *

Всё второпях, в изломе слов,

улыбок, шуток, недомолвок,

когда ни звука про любовь,

и всё – о ней; когда неловок

не взгляд, не жест, а даже вздох,

и так естественно объять;

когда в оконной раме лох

сорвёт серебряное платье

и ветви вскинёт вверх,
и дождь
внезапный, словно стук калитки,
оставит мне, когда уйдёшь,
лишь тьму, промокшую до нитки.
А полночь в доме затаит
движеньё лёгкой лунной тени,
и в эту пустошь я, как в скит,
войду и рухну на колени.
Свеча и россыпь красных бус —
Останьтесь там, подобно чуду...
И уходя —
не обернусь.
И ничего не позабуду.

* * *

В твоём саду мне наслажденье
Медовый впитывать покой,
И ночи позднее рожденье
Не ждать с томительной тоской.
А только шёпот вдохновенья —
Нездешний солнечный огонь
Ловить, как ветра дуновенье,
Как лист кленовый на ладонь.
Ведь между нами всё взаимно,
Всё высшей степени родства:
От несказанного — до гимна,
От нежности — до торжества.

* * *

Здесь, за рекой, — другое время,
Летит и бьётся в небо семя,
Рассеяв сладкую пыльцу.
И мы ни в чём не виноваты,
Когда, зелёной тьмой объята,
Стоим опять лицом к лицу,
О дне и ночи не гадая,
Когда трепещет грудь нагая,
И ветер вдруг сбивает с ног.
Когда немеют в жажде губы,
Когда уже объятья грубы,
И словно яд — любовный слог...
Раздался гул над тихой кручей —
То самолёт вонзился в тучи,
Качнулось небо под рукой.
Там, вдалеке, уже смеркалось.
Но в жарком мареве осталось
Другое время за рекой!

* * *

Декабрь.
Время кружит в пространстве
Над месяцем, в небе стоящем.
И мир не живёт в постоянстве,
И прошлого нет в настоящем.
Вся жизнь
Словно эта дорога
В скольжении белого дыма,
Где всё — от безумства и Бога
До странности необъяснимо.
Любовь —
Разве кто о ней знает?
Придёт и уйдёт, словно небыль.
А время опять улетает
Навеки — в открытое небо.

* * *

Я в жизни только раз
сказал «люблю»...

Ю. Кузнецов

Он в жизни столько раз
сказал «люблю»,
Он слово это вывесил средь поля.
Его трепали ветры, вёсны, воля!
Потом он встретил милую свою.
Рассёк, молниеносный, грудь её,
Где сердце обезумело тугое,
Ударил гром, и он забыл своё,
И солнце в небеса взошло другое.
Он ад найти осмелился в раю,
Он день прогнал обратно
ночью пылкой!
И хочет он теперь сказать «люблю»,
А губы сводит жалкою ухмылкой...

* * *

Когда-нибудь мы вспомним
друг о друге,
Золу костров угасших вороша.
Когда-нибудь —
на предпоследнем круге,
Дела земные к сроку заверша.
Когда-нибудь во влажной летней рани
Иль в сумерках у тихого огня
Переберём свиданья, ссоры, раны —
Приметы нами пройденного дня.

Как милость, ту оставшуюся малость
 Мы примем, приголубив у плеча.
 Когда-нибудь
 придёт к порогу старость,
 Кленовым звонким бадиком стуча.
 И ночью обезноженной, в испуге,
 Поймём любви и ненависти суть.
 Когда-нибудь мы вспомним
 друг о друге.
 Когда-нибудь...

* * *

Саше

С ветки слетел богомол и притих:
 Богу ли молится, солнышка просит?
 Ворох монеток своих золотых
 Бросила в ноги нам сонная осень.
 Роща прозрачна, и русский простор
 Робкую душу сегодня тревожит.
 Стая ворон обогнет косогор,
 В небо вырастет и вернуться не сможет.

Только для тех, кого жизнь не страшит,
 Поле пустое, в потемках жилище.
 Морок, огонь ли вдруг все сокрушит –
 Им возвращаться на то пепелище.

Утром скрести по сусекам, латать
 Конную упряжь и солнцу вдогонку
 В пашню зерно золотое кидать,
 Песню придумать под стать жаворонку.

Знай же – загадочность русской души
 Лишь иноземцу лихому морока.
 Пришлому тайну раскрыть не спеши –
 Как на просторе она одинока...

* * *

Нет луны, но тихо светят
 В небо белые сирени,
 И река остановилась
 Подремать в полночный час.

Я пришла сюда откуда?
 Где была моя обитель?
 В светлом царстве-государстве
 За серебряной рекой?

Кто любил меня беспечно
 В том, другом тысячелетье,
 Распуская косы-кудри
 Осмелевшею рукой?
 Из чего стихи сложились
 В миг, когда вспорхнули птицы?
 Из пунцовых горьких ягод,
 Слез, метелей и дождей?

Из вселенской синей воли,
 Из разбуженного солнца,
 Из земной горячей страсти?
 Но отныне знаю я:
 Кто ответит – станет мною,
 А не мною, так сестрою –
 Посреди реки и света,
 Вздоха, воздуха, земли...

* * *

Я именинница апреля.
 И ночами,
 Тайком от всех,
 Привыкла слышать за плечами
 Неясный смех,
 Смятенный шёпот,
 восклицанья,
 ропот вешний...
 И сквозь ладонь
 Смотреть на солнечный,
 нездешний
 Скупой огонь.
 Он, вдохновенный, от всего,
 что сердце точит,
 От злобы дня,
 От всех возможных одиночеств
 Спасёт меня...

